

Далекое ЭХО Ренессанса

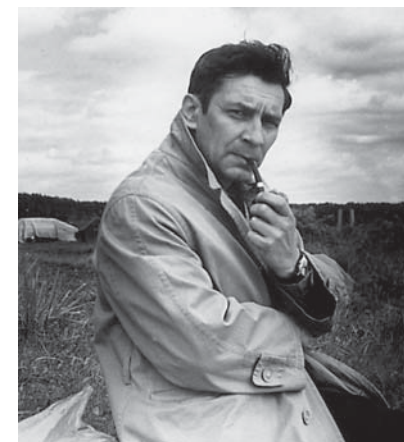
*Красивая жизнь
доктора наук Льва Фирсова*

*Исчезли люди, но остался след
На стертых плитах площадей и улиц:
Обломки амфор, кругляши монет,
Зола и уголь, раковины устриц...*

*Но тень времен — в скопленьях черепиц,
В слоях из разной битой мешанины.
Слой, как книга с тысячью страниц —
Читай ее, исследуя глубины.*

Лев Фирсов,
из поэмы «Херсонес—Херсон—Корсунь»

К каким мы представляем себе ученого? В очках, немного рассеянным, суховатым, педантичным. Всегда погруженным в какую-то научную проблему. Еще он вечно сидит в кабинете, лаборатории или делает доклады. И ничем, кроме своей науки, не интересуется. Впрочем, в новосибирском Академгородке этот расхожий стереотип (а стереотип — это всегда не совсем правда) никогда не работал. Это тоже одна из его особенностей. На этих страницах речь пойдет о докторе геолого-минералогических наук Льве Васильевиче Фирсове.

Лев Васильевич
Фирсов (1926—1981)

Н аучно-технический прогресс набирает обороты подобно лавине. Мы создаем его, а он, в некотором роде, создает нас. По крайней мере, ставит нам определенные рамки. Объем человеческих знаний увеличивается, появляются новые разделы наук, новые профессии. Они требуют узких специалистов. Нельзя, плохо получается — и вглубь, и вширь. Нужно выбирать что-то одно. Если ты геолог — то уже окончательно и прочно геолог, если историк — то занимайся историческими проблемами, а еще лучше — одной исторической проблемой. Иначе неизбежны дилетантизм, поверхностность.

Но человек — многогранен от природы. Как только младенец научается смотреть осмысленно, он начинает беспрестанно вертеть головой по сторонам. Ему интересно все. Он задает вопросы, которые взрослые давно уже считают ответными. Он рисует, поет, изобретает колесо — все с одинаковым упоением. И все это для того, чтобы потом стать «профессионалом».

География жизни:
Москва—Магадан—
Новосибирск.
И всегда — Крым.

Почему так? То есть, разумеется, понятно, почему. Закономерность развития человеческого общества. Времена Леонардо да Винчи, Микеланджело — безвозвратно прошли. Теперь уже нельзя быть художником, писателем, ученым «в одном флаконе». Самое большее, что можно, — попробовать пробиться сквозь толщу накопленных веками представлений и знаний о мире и все-таки увидеть его. Цветным и объемным.

У Льва Фирсова было много страстей. Геолог, доктор наук, он со страстью отдавался не только своим прямым геологическим обязанностям, но и — археологии, истории, поэзии, рисованию. Еще был нумизматом и немного философом. Проще говоря, так и остался на всю жизнь мальчишкой.

География его жизни подтверждает эту мальчишество. Родился в Москве, учился в МГУ. После третьего курса проходил практику на Дальнем Востоке и влюбился в эти места. Оканчивая институт, он требовал, чтобы его распределили туда, в Приамурье, на край света. Но комиссия отнеслась к нему настороженно (очень уж беспокойным студентом был Фирсов Лев, а годы шли 1940-е) и отправила его на другой край света, в Магадан. Но и там он не растерялся, а стал заниматься золотом. Тоже — занятие вполне мальчишеское, сродни кладоискательству. В Магадане Фирсов создал геохимическую лабораторию, которая стала известна на всю страну, вырастил учеников. И уехал в молодой центр науки — в новосибирский Академгородок.

Можно ли стать
Леонардо да Винчи?

Главной же его влюбленностью и страстью был Крым. Каждое лето он летел туда. Там он работал, рисовал, писал стихи. Большая часть его акварелей и графических работ посвящена именно Крыму. «Ноябрь в Херсонесе», «Форосская Яйла», «Ласточкино гнездо», «Симеиз», «Уходит в небо пик Ай-Петри» — такому обилию крымских сюжетов мог бы позавидовать даже такой знаменитый крымчанин, как Макс Волошин.

И вот готова научная монография — «Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического». Помимо «вольного» названия, книга замечательна еще одним моментом — в ней, между двумя научными частями, опубликована большая поэма «Херсонес—Корсунь—Херсон». Факт, почти неслышанный в российской науке. Со времен ломоносовского «Письма о пользе стекла» — поэмы, означенной 1752 годом, ученые не покушались на симбиоз поэтического и научного.

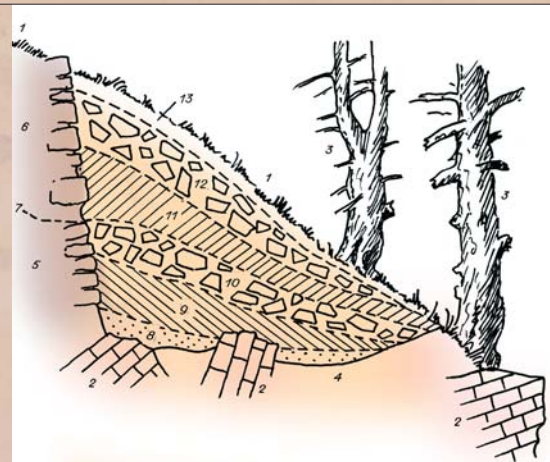

Закат за Батилиманом и мысом Айя. 18.10.1978 г.

Толпу ребят ведет музейный гид,
Они галдят и полны интереса —
В их голосах, прислушайся, звенит,
Как эхо, смех мальчишек Херсонеса...

Иная жизнь сейач бурлит окрест,
Тысячелетья скрыты под ногами,
Но на прошедшем не поставит крест —
Оно навечно остается с нами.

Лев Фирсов,
из поэмы «Херсонес—Херсон—Корсунь»

Рабочая схема

Пишут стихи очень многие. Обычно в стол, иногда читают близким друзьям. Случай Фирсова — иной. Он совместил в своей работе о Херсонесе геологический, археологический и исторический подходы. А если вспомнить, что у истории в свое время оно была даже своя муза — Клио, то здесь и до поэзии недалеко. Книгу эту, как говорят знакомые и коллеги Фирсова, пришлось долго «пробивать» — слишком своеобразной казалась поэтизированная «радиоуглеродная хронология». Но все же «Этюды» вышли. В издательстве «Наука», в 1976 году.

Чем для Фирсова были стихи, которыми он исписал огромные тетради? А рисование? Все это вряд ли верно будет отнести к тому, что называют довольно неказистым словом «хобби». Просто потому, что хобби — способ проведения досуга, а досуг — понятие не для Фирсова. Скорее всего, это было потребностью создания полной и яркой картины мира. Именно поэтому Лев Васильевич

часто не отделял науку от искусства, да и в самом искусстве никак не хотел «специализироваться». Его научные книги сопровождаются стихами и графикой, а на обратной стороне акварельных работ — сонеты. Даже вычерчивая геологическую схему, разрез почвы, он не может удержаться и рисует стволы сосен. А в стихах он часто не только и не столько поэт, сколько — публицист, философ, историк. Вряд ли возможно говорить по отдельности о Фирсове-художнике, Фирсове-поэте. Можно говорить о Льве Фирсове — человеке, который прожил свою жизнь талантливо и страстно. Который в двадцатом веке смог дышать воздухом Ренессанса.

Анна Павлова

Весь сонм людей, придут они — уйдут...
Где разница: живущие на свете
В тщете забот впустую отцветут
Или оставят след, и след тот — дети?

В чем счастье? Риторический вопрос.
Не в том же, чтобы насладиться светом,
Уйти из жизни, не оставив слез
И не послав прощального привета...

Быть может, счастье — угнездить росток
На пашню, тучную от праха предков,
Обманывать себя, что путь далек,
Что выход есть из жизни тесной клетки?

Рецепта нет. Решает каждый сам,
В чем радость жизни и ее краса.

Шторм. 1972 г.

Шоссе в районе Балаклавы. 1967 г.

